

*Неизвестные страницы
мировой классики*

СЕРИЯ
КВАДРАТ

Honoré de Balzac

CODE
DES GENS
HONNÊTES,
OU

L'ART DE
NE PAS ÊTRE
DUPE DES FRIPONS

Оноре де Бальзак

КОДЕКС
ПОРЯДОЧНЫХ
ЛЮДЕЙ,
ИЛИ

О СПОСОБАХ НЕ
ПОПАСТЬСЯ НА УДОЧКУ
МОШЕННИКАМ

*Перевод с французского,
вступительная статья и примечания
Веры Мильчиной*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2019

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44
Б21

ISBN 978-5-7516-1540-6

© Вера Мильчина, перевод на русский язык, вступительная статья и примечания, 2012

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2019

КОДЕКС ПРАВООПИСАТЕЛЯ, ИЛИ О СПОСОБАХ СТАТЬ БАЛЬЗАКОМ

Прежде чем начать выставлять на титульном листе свое имя, Оноре де Бальзак (1799–1850) опубликовал немало сочинений под псевдонимами или вовсе без подписи. Среди этой многообразной продукции были не только мелодраматические, мистические, полные тайн романы Лорда Р’Оона и Ораса де Сент-Обена, но и анонимные статьи и рецензии в периодике, в частности в газете «Литературный фельетон» (1824), а также иронические бессюжетные сочинения о разных аспектах повседневной жизни, которые в наши дни причислили бы к «non-fiction», а в 1820-е годы именовали «кодексами».

«Кодексы» ввел в моду плодовитый литератор Орас Рессон (1798–1854). В 1824–1830 годах целая группа авторов трудилась под его руководством над сочинением миниатюрных книжечек, форма которых пародировала главный юридический документ эпохи — наполеоновский Гражданский кодекс, принятый в 1804 году и оставшийся в силе после падения Наполеона. Что же касается содержания, то параграфы и разделы

«Кодексов» наполовину в шутку, но наполовину и всерьез описывали и регламентировали существование светских людей вообще и представителей конкретных профессий в частности. В число «рессоновских кодексов» входят «Гурманский кодекс» и «Кодекс беседы», «Кодекс коммивояжера» и «Кодекс литератора и журналиста», «Галантный кодекс» и «Кодекс любви», «Супружеский кодекс» и «Эпистолярный кодекс», «Кодекс туалета» и «Кодекс будуаров», и проч., и проч. Кажется, не было такой сферы повседневной жизни, к которой бы не прилагался соответствующий кодекс. Порой на обложке этих книжечек значилось не слово «кодекс», а формула «О способах делать то-то и то-то» («О способах повязывать галстук», «О способах делать долги», «О способах давать обед» и проч.), в которой, впрочем, было так же отчетливо выражено регламентирующее намерение: автор как бы брал на себя обязательство привить читателю те или иные навыки. Эта поучающая интонация составляет, пожалуй, главное отличие «Кодексов» от аналогичных по содержанию нравоописательных «Физиологий», которые оккупировали книжный рынок чуть позже, в начале 1840-х годов (их тематика была ничуть не менее разнообразна: от «Физиологии портного» до «Физиологии фетровой шляпы», от «Физиологии парижского дома» до «Физиологии конфеты»).

«Кодексы» и «Физиологии» предоставляли литераторам рамку, форму для фиксации мелких бытовых подробностей; недаром в «Пролегоменах» (а проще сказать, в предисловии) к «Кодексу туалета»

говорится: «Нас могут спросить: кто дал вам право присваивать пышное наименование кодексов маленьким книжечкам в восемнадцатую долю листа, на каком основании вы беретесь диктовать законы гастрономии и учтивости, искусства одеваться и эпистолярного искусства, не слишком ли много вы на себя берете? Мы ответим на все это лишь одно: мы, в сущности, не более чем издатели этих маленьких книжечек, а их авторов каждый без труда отыщет рядом с собой, лишь только оглядится по сторонам. Что же до нас, мы, добросовестные историографы моды, ограничиваемся тем, что записываем ее приговоры, оглашаем во всеулышание ее законы, а с себя, по примеру многих прочих, всякую личную ответственность снимаем»*.

Из наполеоновского Гражданского кодекса Рессон и его собратья заимствовали немного, по преимуществу заглавие и членение текста на статьи и параграфы. В содержательном отношении для них были гораздо более важны другие жанровые образцы. Кодексы, иначе говоря, трактаты о том, как себя вести в той или иной сфере частной и общественной жизни, продолжали традицию альманахов и календарей — ежегодников, содержавших полезные хозяйственные советы. В первой половине XIX века французские читатели, как показывают недавние исследования**,

* Cité par: Code de la toilette. 5e éd. Bruxelles, 1828.
P. X–XI.

** См., напр.: *Lyon-Caen J. La Lecture et la Vie. Les usages du roman au temps de Balzac.* Paris, 2006. Подробнее об этой книге см.: *Мильчина В.А. Персонажи в переписке с автором // Новое литературное обозрение.* 2008. № 91. С. 379–385.

даже в авантюрных романах были склонны видеть учебники жизни, подсказывающие «социальные формулы» для объяснения окружающей действительности. Если французы читали таким образом романы зрелого Бальзака и даже остросюжетные «Парижские тайны» Эжена Сю, то ничего удивительного, что им нравились «Кодексы», представлявшие собой, в сущности, сборники социально-бытовых рецептов. Впрочем, полезность была не единственной причиной успеха кодексов Рессона и его коллег. У их сочинений имелась и другая сторона: советы там давались в иронической, пародийной, порой откровенно шутовской форме. Очевидно, публике импонировало это сочетание полезного с приятным, умеренно наставительного с увлекательным; «Кодексы» распродавались и переиздавались — что и было главной целью их авторов.

Дело в том, что и «Кодексы», и родственные им «Учебники» и «Физиологии» сочинялись чаще всего не ради удовлетворения высоких творческих амбиций, а исключительно для того, чтобы дать литературным поденщикам возможность немного подкормиться. Два десятилетия спустя Бальзак сам описал процесс сочинения таких сборников в своей «Монографии о парижской прессе» (1843). Поссорившись с книгопродавцем, журналист, которого Бальзак причисляет к разряду «наемных убийц», публикует следующее: «Ныне “Физиологии” превратились в искусство говорить и писать с ошибками о чем угодно и выманивать у прохожих двадцать франков в обмен на синие или желтые книжонки, от которых на читателей вме-

сто обещанных приступов смеха нападает неудержимая зевота». Впрочем, стоит книгопродавцу заплатить журналисту, как «Физиология» сразу обретает совершенно иные черты: «Парижане вырывают “Физиологии” друг у друга из рук и, потратив двадцать су на одну книжку, получают куда больше радости, чем от целого месяца общения с веселым собеседником. Да и могло ли быть иначе? Авторы этих книжечек — самые остроумные люди нашего времени»*. Как ни парадоксально, правильны оба варианта. Все зависело от того, кто именно брался за данную «Физиологию» или данный «Кодекс».

Кстати, авторство этих книжечек порой составляет сложную проблему. Имя сочинителя значилось на их титульных листах далеко не всегда. Именно так, анонимно, был выпущен в 1825 году (первое издание в марте, второе — в июле) «Кодекс порядочных людей». Третье издание, существенно переработанное и получившее новое название («Уголовный кодекс, учебник для порядочных людей, содержащий законы, правила и примеры, которые помогут уберечь состояние, кошелек и репутацию от любых покушений»), вышло в 1829 году уже не анонимно; на сей раз на обложке стояло имя Ораса Рессона. Однако впоследствии, уже после смерти Бальзака, Рессон на своем авторстве не настаивал; вначале он сообщил (в письме к издателю Пермену от 19 ноября 1850 года), что в «Кодексе порядочных лю-

* *Бальзак О. де.* Изнанка современной истории. М., 2000. С. 407–408.

дей», который «гораздо точнее было бы назвать “Физиологией честности”», Бальзаку принадлежат «блистательные главы о стряпчем и о нотариусе», а два года спустя признал, что весь «Кодекс» написан Бальзаком по его, Рессона, заказу. Существует и свидетельство гораздо более раннее — письмо к Бальзаку от 4 апреля 1825 года, где сестра Лоранса укоряет его за то, что он отрицает свою причастность к этой книге: ведь она, Лоранса, помнит, как он в ее присутствии вычитывал верстку и декламировал ей смешные пассажи*. Поэтому, хотя не исключено, что к каким-то страницам «Кодекса» приложил руку Рессон, бальзаковеды считают возможным и вполне оправданным включение «Кодекса порядочных людей» в собрание сочинений автора «Человеческой комедии»**.

Косвенные доказательства авторства, основывающиеся на особенностях стиля, на сходстве персонажей и сюжетных линий, всегда менее убедительны, чем доказательства прямые, и тем не менее количество мотивов, роднящих «Кодекс» с поздними романами Бальзака, впечатляет. Автор «Кодекса» в самом начале своей книги утверждает: «Для многих людей сердце человеческое — все равно что темный лес; люди эти не знают своих

* См.: *Balzac H. de. Œuvres diverses*. P., 1996. Т. 2. P. 1336 (Bibliothèque de la Pléiade).

** В новейшем издании Бальзаку приписаны также некоторые главы «Кодекса туалета» и «Супружеского кодекса», однако сами публикаторы оговаривают, что для этого решения не имеют неопровержимых доказательств (см.: *Ibid.* P. 1351–1352, 1355–1356).

ближних, не понимают ни их чувств, ни их повадок; они не изучили тот сложный язык, которым говорят взгляды, походка, жесты. Пусть же книга наша послужит им картой». Всякий, кто хоть немного знаком с представлениями зрелого Бальзака о соотношении в человеке внешнего и внутреннего, узнает в этой фразе настоящее «исповедание веры» автора «Человеческой комедии»; этот «сложный язык» он изучал всю жизнь, и плоды этого изучения обнаруживаются в любом из его романов. Характер персонажа в них непременно определяется по «взглядам, походке, жестам», а «теоретическую базу» для этого предоставляют физиогномист Лафатер и френолог Галль — ученые, которых зрелый Бальзак неизменно упоминает с огромным уважением и которые фигурируют в качестве неопровержимых авторитетов уже в «Кодексе» (см., например, признание в главе о нотариусе: «Есть люди, которые призывают на помощь науку Лафатера и внимательно изучают внешний облик нотариуса: если щеки у него красные, а глаза разные, если он косит или хромает, они предпочитают с ним дела не иметь»).

В «Человеческой комедии» можно отыскать параллели и к мелким подробностям, упомянутым в «Кодексе». Макаassarское масло (одна из рекламируемых «экономических» новинок, которые «либо дороги, либо неупотребительны») — это то самое средство для ращения волос, успех которого не давал покоя парфюмеру Цезарю Бирото, изобретателю другого аналогичного средства («комагенного масла») в романе «История величия и падения Цезаря Бирото» (1838). Обыгрывание акцента еврея-

ростовщика отзовется в ломаном языке наиболее часто упоминаемого персонажа «Человеческой комедии» барона де Нусингена, витиеватое прошение на имя суда пародируется не только в «Кодексе», но и в начале повести «Полковник Шабер», гибельной страстью к лотерее, которую так пылко обличает автор «Кодекса», будет наделена госпожа Декуэн в романе «Жизнь холостяка».

Примеры можно было бы умножить. «Кодекс порядочных людей» — это своего рода копилка, в которую Бальзак складывал плоды своих наблюдений за жизнью парижан (особенно важен опыт, накопленный им за время службы в конторах стряпчего Гийонне-Мервиля и нотариуса Пассе в 1816–1819 годах) и помещал заготовки для будущих романов и повестей. Не раз поминаемый на страницах «Кодекса» *господин Такой-то* — не только собирательный образ «человека, каких много», но и некий манекен, которому предстоит впоследствии, в зрелых романах, не однажды обрести имя и биографию.

Главное же, что почерпнет зрелый Бальзак из своей «копилки», — это образ блистательного мошенника, у которого негодяйство доведено до совершенства. Рассказывая об удачно задуманных и выполненных аферах, Бальзак в «Кодексе» явно восторгается их творцами, хотя, разумеется, составляет текст всевозможными моралистическими оговорками. Он признается: «Мошенничество требует известной тонкости, изобретательности, ловкости. Мошенник должен придумать план, расставить ловушки. За ним наблюдаешь едва ли не с сочувствием». Все это «отзовется» в многочисленных бальзаковских рассказах о героях-аферистах, и

прежде всего в фигуре главного, грандиозного мошенника «Человеческой комедии» — беглого торговщика Вотрена, человека столь же страшного, сколь и притягательного как для читателей, так и для самого автора.

Впрочем, в мошенниках, описанных в «Кодексе», страшного как раз мало. Они грозят не жизни, а только кошелек, и в тоне, каким Бальзак о них говорит, главенствуют, пожалуй, восхищение и зависть. Это тот самый тон, которым сто лет спустя двое русских авторов будут описывать похождения «великого комбинатора». Остапа Бендера мы поминули не всуе. В романе «Жан-Луи», который Бальзак опубликовал в 1822 году под псевдонимом Лорд Р'Оон, упоминается вымышленная книга «Совершенный прокурор» — «сочинение полезнейшее, в котором описаны сто семьдесят два способа честно присваивать себе чужое добро»*. В эпизоде из книги Жуи и Жэ «Отшельники в тюрьме» (1823), на который Бальзак ссылается в «Кодексе», один заслуженный грабитель объясняет свои длительные успехи на воровском поприще тем, что он «всегда воровал с уголовным кодексом в руках»**. Наконец, и в самом «Кодексе порядочных людей» сказано: «Истинный талант заключается в том, чтобы сообщить воровству вид операции совершенно законной: брать чужое добро нехорошо, на это способен и дурак, умный же человек устроит так, чтобы это добро само приплыло к нему в руки». Трудно, конечно, утверждать, что сын турецко-подданного,

* Jean-Louis, ou la Fille trouvée. P., 1822. T.3. P. 101.

** *Jouy E., Jay E. Les Hermites en prison. P., 1823. T. 1. P. 112.*

который читал уголовный кодекс и знал четыреста сравнительно честных способа отъема денег, был знаком со всеми этими не самыми популярными французскими книгами; немногим более вероятно, что с ними были знакомы авторы «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца». Однако сходство интонации налицо.

И это отнюдь не единственная черта «Кодекса порядочных людей», сближающая его с нашим кругом чтения и нашими современными впечатлениями. Оказывается, способы душить голову обывателям не слишком сильно переменились с 1825 года. Например, вот бессмертная забава: «К сведению простофиль (должен же кто-то позаботиться и о них). В праздничные дни за парижскими заставами, да и на улицах самого Парижа, вашему взору предстают люди, которые, используя вместо стола собственную шляпу или доску, положенную на небольшие козлы, увлекают прохожих азартными играми, устроенными так ловко, что кто-то из зрителей непременно в них играет и выигрывает. Как бы свято вы ни верили в собственную удачу, не вздумайте поставить на кон ни единой монетки».

А вот реклама полезнейших товаров (некоторые из них тоже в своем роде бессмертны): «Держитесь подальше от новых изобретений, таких, как: мацассарское масло, порошок для бритья, омолаживающая масса, пробковые пояса-скафандры, кофеварки, трости-удочки, зонтики в жестяных футлярах, стенные кровати, экономические плиты, которые обходятся в сотню раз дороже обычных, каминные плиты в сто экю, которые не нуждаются в

дровах, искусственный мрамор, бесшовные сапоги и прочее в том же роде. Как правило, все *экономические* вещи либо дороги, либо неупотребительны».

А вот тоже про рекламу, но на сей раз посвященную исключительно лекарствам: «О врачах ничего дурного лучше не говорить; раз мы живы, то не имеем права жаловаться; тем не менее врачи тоже идут порой на некоторые хитрости и доставляют дополнительный заработок аптекарям. Заметьте, что каждый год в моду входит какое-нибудь особое снадобье: то саго, то салеп. Были годы, когда все нужно было есть с добавлением салапа; потом его заменило саго. Потом все увлеклись аррорутотом, потом, с легкой руки Вальтера Скотта, повсюду воцарился исландский лишайник, потом местные пиявки в сочетании с водой из Сены, потом слабительное питье; снадобья меняются, но неизменным остается тот факт, что чем они моднее, тем дороже».

Наконец, вот про рекламу «услуг»: «Итальянский язык за двадцать четыре урока; мнемотехника за двенадцать занятий; музыка за тридцать два урока; чистописание за двенадцать уроков, и проч. Мы не опустимся до комментирования всех этих случаев шарлатанства. Сказанное относится также к портретам за один луидор и два сеанса».

Все в высшей степени знакомо и по-прежнему злободневно, а тот факт, что мы не расплачиваемся луидорами и не учимся чистописанию, — мелочи, не влияющие на суть.

Исследователи «социальных и экономических реалий» в бальзаковском творчестве подчеркивают пронизательность писателя, который с первой же

страницы утверждает — в своей образной манере — существование в обществе борьбы классов: «Жизнь есть не что иное, как беспрестанная битва между богачами и бедняками». Бальзак в самом деле выказывает в «Кодексе» осведомленность в области новейшей социально-политической литературы: рассуждения о революции, которая произойдет в Англии, «когда масса обездоленных возьмет верх над массой богачей», подтверждают его знакомство с трудами английского экономиста и демографа Мальтуса, а обыгрывание слов *industrie* (промысел, промышленность) и *industriels* (промышленники, промышленяющие), возможно, указывает на недавнее прочтение трудов утописта Сен-Симона, чьи книги «О промышленной системе» и «Катехизис промышленников» вышли незадолго до публикации «Кодекса», в 1822 и 1824 годах (впрочем, если Бальзак в самом деле отсылает читателей к Сен-Симону, то отсылки эти сугубо иронические и не слишком лестные: Сен-Симон действительно ставит промышленников очень высоко, однако его промышленники — люди серьезные и промышленяют вовсе не тем, чем зарабатывают на жизнь персонажи «Кодекса»).

Осведомленность Бальзака — вещь, разумеется, ценная, но скорее для историков.

Наличие в «Кодексе порядочных людей» множества «предбальзаковских» мотивов и деталей, которые потом «отзовутся» в «Человеческой комедии», — вещь, разумеется, интересная, но скорее для литературоведов.

А вот то, что едва ли не каждый параграф «Кодекса» — блестящий и остроумный афоризм,

а зачастую еще и мудрый совет, не утративший актуальности по сей день, — это вещь, важная для всякого читателя. Конечно, «Кодекс порядочных людей» написан второпях, и сам Бальзак не считал эту книгу достойной того, чтобы выставить на ее обложке свое имя. Однако пренебрежительное отношение к «Кодексу», продемонстрированное, например, Стефаном Цвейгом, который в своей биографии Бальзака не находит для характеристики этого и ему подобных сочинений иных слов, кроме «позор» и «проституция», несправедливо. Другой биограф, Андре Моруа, назвавший «Кодекс» записной книжкой начинающего автора, где содержатся зародыши будущих романов, судил куда более здраво. В «Кодексе» Бальзак не только накапливает сюжеты для будущих произведений, он вырабатывает интонацию — тот самый иронический, чуть циничный тон, каким написана «Физиология брака», выпущенная в самом конце 1829 года, а ведь этой книги Бальзак вовсе не стыдился, и она занимает законное место в «Человеческой комедии», в разделе «Аналитические этюды».

Вот лишь несколько примеров этой интонации:

«Если вашей кухарке обещано не только жалованье, но и стол, она, разумеется, получит право взимать с вашего бульона налог в пользу гренадера, нуждающегося в подкреплении своих слабых сил. Это еще не беда. Это жертва, принесенная любви. Беда в том, что недостающий объем бульона она возместит водой, зачерпнутой прямо из Сены».

*

«Если вы любите плавать и посещаете купальни, то:

1) не вздумайте утонуть;

2) не вздумайте брать с собой что-нибудь ценное. — Но ведь кабинки закрываются на ключ? — Разумеется. — Посетители все сплошь порядочные люди. — Тем более.

У вас ведь есть шляпа для бала и фрак для игры; заведите себе костюм для купальни».

*

«Новая шляпа стоит гораздо дороже, чем старая; отсюда афоризм, которому позавидовал бы сам Цицерон: “Не ездите на бал ни к кому, даже к министрам, в дорогой шляпе”. В 1817 году привратник министерства внутренних дел ответил одному бедолаге, который в час ночи требовал у него свою шляпу со словами: “Сударь, она совсем новая”, — “Новые шляпы, сударь, кончаются после одиннадцати”».

*

«С новыми роскошными кофейнями дело обстоит точно так же, как с новыми министерствами: платить придется вам».

С последним утверждением уж точно не поспоришь.

Все остальные, ничуть не менее остроумные советы и наблюдения читатели могут отыскать в

тексте «Кодекса порядочных людей» самостоятельно. Напоследок подскажем, что в книге они найдут и лестное определение самих себя:

«Все дело в том, что на свете есть великое множество дураков, и добрая половина вещей в подлунном мире производится в расчете на них. Но вы-то ведь не дурак; иначе вы бы не читали эту книгу».

* * *

Перевод выполнен по изданию: *Balzac H. de. Œuvres diverses*. P., 1996. Т. 2. P. 147–272 (Bibliothèque de la Pléiade), в котором воспроизведен текст первого издания 1825 года.

На русский язык книга переводится впервые.

Вера Мильчина

КОДЕКС
ПОРЯДОЧНЫХ
ЛЮДЕЙ,
ИЛИ
О СПОСОБАХ НЕ
ПОПАСТЬСЯ НА УДОЧКУ
МОШЕННИКАМ

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Сегодня за деньги можно купить все: радости и уважение, друзей и успех, талант и даже ум; следственно, восхитительный этот металл постоянно должен быть предметом нежных забот для смертных любого возраста и состояния, от королей до гризеток, от новых собственников до собственников бывших.

Однако деньги не только источник всех радостей и отправная точка всех побед, они еще и цель разнообразных поползновений.

Жизнь есть не что иное, как беспрестанная битва между богачами и бедняками. Первые, запасшись водой и провиантом, затворились в крепости за прочными стенами; вторые рыскают поблизости, готовят атаки и делают подкопы, так что, какие бастионы ни возводи и какие орудия ни заряжай, как ни укрепляй ворота и ни углубляй рвы, бедняки, эти казаки благоустроенного общества, все равно так или иначе отыщут у тебя слабое место.

Деньги, отнятые цивилизованными бандитами, потеряны навсегда; тем полезнее дать несколько советов относительно того, как обо-

роняться от хитроумных проделок этих неуловимых Протеев. Именно это мы и намерены сделать; мы откроем порядочным людям глаза на их козни.

Кто такой порядочный человек, которому мы адресуем наше сочинение?

Он еще молод, любит удовольствия, богат и умеет с легкостью зарабатывать деньги законным путем, неукоснительно честен во всем, чем бы он ни занимался, весел и остроумен, открыт и прям, благороден и великодушен.

Именно к нему мы обращаемся, ибо желаем сохранить в его кошельке все те деньги, которые умельцы могут хитростью выманить у него так ловко, что он даже не заметит.

Недостаток нашего труда заключается в том, что натура человеческая предстанет на его страницах в самом черном свете. Как, скажут нам, неужели мы должны подозревать в нечестности всех и каждого? Неужели на свете не осталось порядочных людей? Неужели нам следует опасаться даже друзей и родственников? Да! Опасайтесь всех, но ни в коем случае этого не показывайте. Берите пример с кошки: держитесь ласково и нежно, но будьте готовы в любую минуту улизнуть и помните, что порядочным людям далеко не всегда удается приземлиться на четыре лапы. Будьте всегда начеку и добейтесь, чтобы ум ваш был мягок, как бархат, и тверд, как сталь.

Все эти предосторожности бесполезны, разяты нам.

Мы прекрасно знаем, что в наши дни убийцы по вечерам не подстерегают своих жертв на улицах, что воры пускают в ход свое мастерство не так часто, как прежде, что они почтительны с часами, церемонны с кошельками, предупредительны с носовыми платками. Знаем мы и об огромных суммах, которые ежегодно тратятся на жандармов и полицию.

Пурсоньяки и Даньеры сегодня не более чем плоды писательского вымысла; образцов у них не осталось. Сбригани, Криспены и Картуши* живы только на бумаге. В наш век не сыскать ни провинциалов, которым можно заморочить голову, ни опекунов, которых можно обвести вокруг пальца; нынче дела делаются совсем иначе, с куда большей приятностью.

Нынче любой юноша в двадцать лет хитер, как старый дознаватель. Все знают цену золоту. Парижские улицы стали много шире, и карманники пригорюнились. Старый Париж

* Пурсоньяк и Даньер — персонажи соответственно комедий Мольера «Господин де Пурсоньяк» (1669) и Дефоржа «Глухой, или Переполненный трактир» (1790), самодовольные глупые провинциалы, претендующие на брак с богатой и образованной девицей. Сбригани — персонаж «Господина де Пурсоньяка», «неаполитанец, посредник в любовных делах», близкий к тому типу хитрого слуги-интригана, который воплощен в Криспене — персонаже итальянской комедии дель арте и многих французских комедий XVIII века. Луи-Доминик Картуш (1693–1721) — реальное лицо, главарь банды, терроризировавшей Париж и окрестности; казненный на Гревской площади, он почти сразу же стал героем нескольких французских пьес. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

без порядка и без света остался в прошлом; фонарей, конечно, не прибавилось, но их заменяют жандармы и полицейские — светильники особого рода.

Отдадим должное новым законам: смертную казнь теперь применяют реже, чем прежде, и оттого преступники больше дорожат жизнью. Видя множество способов разбогатеть с помощью мошенничества, не рискуя головой, вору предпочитают не убивать, а лишь обманывать; оттого происходит повсеместное смягчение нравов.

Прежде у вас грубо спрашивали: кошелек или жизнь; нынче никто не интересуется ни первым, ни вторым. Прежде порядочные люди боялись убийц; нынче им грозят только ловкачи. Нынче оттачивают не ножи, а ум. Следовательно, защищать свои деньги надобно не от грабителей, а от мошенников. И защита, и нападение диктуются одной и той же финансовой потребностью. Дело идет между порядочным человеком, который ест досыта, и порядочным человеком, который остался без обеда.

Элегантность наших манер, обдуманность наших обычаев, безупречность нашей учтивости отражаются на всем, что нас окружает. После того как в наших гостиных появились прекрасные ковры, драгоценный фарфор, роскошная мебель и старинные гербы, вору, умнейшие из людей, почуяли, что обязаны соответствовать новым обстоятельствам: тотчас же они обзавелись тильбюри, в каких ездят

биржевые маклеры, кабриолетами, в каких ездят нотариусы, двухместными каретами, в каких ездят банкиры.

С этих пор способы завладеть имуществом ближнего сделались столь разнообразны, облеклись в формы столь изысканные, ими овладели люди столь многочисленные, что способы эти стало невозможно ни предвидеть, ни исчислить в наших сводах законов; да что там говорить, обманутыми оказались парижане — да-да, сами парижане!

Если уж парижанин, существо тонкого вкуса и редкостной предусмотрительности, изошренного эгоизма, острого ума и исключительной чуткости, постоянно попадает в умело составленные силки, в таком случае разявам и глупцам, иностранцам и людям порядочным надеяться вовсе не на что — разве что они справятся с учебником, в котором, как мы надеемся, отыщут описания всех грозящих им ловушек.

Для многих людей сердце человеческое — все равно что темный лес; люди эти не знают своих ближних, не понимают ни их чувств, ни их повадок; они не изучили тот сложный язык, которым говорят взгляды, походка, жесты. Пусть же книга наша послужит им картой; пусть порядочные люди возьмут пример с англичан, которые не выходят на парижские улицы без карманного путеводителя, и прислушаются к советам опытного доброжелателя.